

УДК 316.285

О. Даниленко, д-р социол. наук, проф.
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

ОТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА – К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье обосновывается взаимосвязь между функциями конфликта и функциями языка конфликта через интерпретацию работы Л.Козера "Функции социальных конфликтов" в лингвоконфликтологической перспективе. Характеризуются ключевые понятия лингвоконфликтологического подхода (язык конфликта, лингвистическое конструирование социальных конфликтов), а также специфика определения понятия конфликт через синтез ценностно-ресурсного (Л.Козер) и коммуникативно-аутопоietического (Н.Луман) определений. Анализируется соотношение понятий "язык конфликта" и "лингвистическое конструирование социальных конфликтов" с понятийным аппаратом функциональной теории конфликта.

Рассматриваются три проблемных блока, отображающих возможность перехода от анализа функций конфликта к функциям языка конфликта по отношению к различным социальным системам:

1. От роли конфликта в поддержании групповых границ – к роли языка конфликта в поддержании групповых границ.

2. Соотношение реалистических, нереалистических и лингвистически сконструированных конфликтов.

3. Конфликт как фактор солидарности и солидарность как фактор конфликтности: возможности выявления этого соотношения через анализ языка конфликта.

Обосновывается целесообразность разработки своего рода "матрицы" функций языка конфликта (базирующейся на функциях конфликта Л.Козера), которая может применяться, например, при анализе текстов интервью и содержащихся в них характеристик языка конфликтов. Это позволяет рассматривать функции конфликта и функции языка конфликта применительно к различным системам и подсистемам социальных конфликтов, в том числе применительно к лингвистически сконструированным конфликтам как подсистемам по отношению к реалистическим конфликтам.

Ключевые слова: социальный конфликт, функции конфликта, язык конфликта, лингвоконфликтологический подход, лингвистическое конструирование социальных конфликтов, реалистические и нереалистические конфликты, функции языка конфликта

В статті обґрунтовується взаємозв'язок між функціями конфлікту та функціями мови конфлікту через інтерпретацію роботи Л.Козера "Функції соціальних конфліктів" в лінгвоконфліктологічній перспективі. Характеризуються ключові поняття лінгвоконфліктологічного підходу (мова конфлікту, лінгвістичне конструювання соціальних конфліктів), а також специфіка тлумачення поняття конфлікт через синтез ціннісно-ресурсного (Л.Козер) та комунікативно-аутопоietичного (Н.Луман) визначень. Аналізується співвідношення понять "мова конфлікту" та "лінгвістичне конструювання соціальних конфліктів" з поняттєвим апаратом функціональної теорії конфлікту.

Розглядаються три проблемні блоки, що від вибивають можливість переходу від аналізу функцій конфлікту до аналізу функцій мови конфлікту стосовно різних соціальних систем:

1. Від ролі конфлікту в підтриманні групових меж – до ролі мови конфлікту в підтриманні групових меж.

2. Співвідношення реалістичних, нереалістичних та лінгвістично сконструйованих конфліктів.

3. Конфлікт як фактор солідарності та солідарність як фактор конфліктності: можливості виявлення цього співвідношення через аналіз мови конфлікту.

Обґрунтовується доцільність розробки своєрідної "матриці" функцій мови конфлікту (що базується на функціях конфлікту Л.Козера), яка може застосовуватися, наприклад, при аналізі текстів інтерв'ю та характеристик мови конфлікту, що містяться в них. Це дозволяє розглядати функції конфлікту та функції мови конфлікту щодо різних систем та підсистем соціальних конфліктів, у тому числі й стосовно лінгвістично сконструйованих конфліктів як підсистем відносно реалістичних конфліктів.

Ключові слова: соціальний конфлікт, функції конфлікту, мова конфлікту, лінгвоконфліктологічний підхід, лінгвістичне конструювання соціальних конфліктів, реалістичні та нереалістичні конфлікти, функції мови конфлікту.

The article argues for interrelation between the functions of conflict and the functions of the language of conflict through the interpretation of Lewis Coser's Functions of Social Conflict in the light of linguistic-conflictological perspective. The key concepts of the linguistic-conflictological approach (language of conflict, linguistic construction of social conflict), as well as the specific features of the definition of conflict through a synthesis of value-resource (Coser) and communicative-autopoietic (Luhman) definitions are characterized. The relationship of the concepts of language of conflict and linguistic construction of social conflict with the conceptual apparatus of the functional theory of conflict is analyzed.

The author deals with three issues which reflect possibility of transition from the analysis of functions of conflict to the analysis of functions of the language of conflict in its relation to different social systems:

1. From the role of conflict in a group's boundary maintenance to the role of the language of conflict in a group's boundary maintenance.

2. The relationships between realistic, unrealistic and linguistically constructed conflicts.

3. Conflict as a factor of solidarity and solidarity as a factor of conflict: clarification of this relationship through the analysis of language conflict.

The author proposes to develop a "matrix" of functions of the language of conflict (based on Coser's functions of conflict) which can be applied, for example, in analysis of texts of interviews which contain characteristics of the language of conflict. By means of this, functions of the conflict and functions of the language of conflict can be considered with regard to different systems and subsystems of social conflicts, including linguistically constructed conflicts as a subsystem of realistic conflicts.

Keywords: social conflict, functions of conflict, language of conflict, linguistic-conflictological approach, linguistic construction of social conflict, realistic and unrealistic conflicts, functions of the language of conflict.

Конфликтологический анализ процессов в современном мировом сообществе позволяет говорить о возрастающей роли слова, текста в возникновении, развитии и решении конфликтов, а также о все более активном использовании механизмов текстовой манипуляции и провоцирования конфликтности, что вредит обществу, если провоцируются разрушительные конфликты, и поле-

зно для общества, если создаются возможности функционирования "институциональных клапанов" для освобождения от разрушительной конфликтной энергии (в контексте теории конфликта Л. Козера). В связи с этим актуализируется проблема изучения лингвистических характеристик конфликтов как механизмов социального конструирования реальности (в терминологии

П. Бергера и Т. Лукмана), которая недостаточно исследована как в рамках конфликтологии, так и социологии конфликта. При этом возникает вопрос, насколько адекватен понятийный аппарат конфликтологии и предлагаемые модели конфликта современным реалиям проявления социокоммуникативных процессов в условиях информационного общества (с учетом особой роли языка как средства коммуникации)? Анализ научной литературы в области конфликтологии и социологии конфликта показывает, что в большинстве моделей анализа социальных конфликтов не учитывается в полной мере роль языка и различного рода текстовых конструктов в возникновении, развитии и снятии социальных конфликтов (см., например, [Анцупов А.Я., 2009], [Бабосов Е.М., 2001], [Здравомыслов А.Г., 1996], [Степанов Е.И., 2008]). Необходимо доработка понятийного аппарата социологии конфликта и структурно-динамических моделей конфликтов с учетом лингвистической составляющей.

Цель статьи – рассмотреть возможности развития понятийного аппарата конфликтологии и теоретических моделей анализа конфликта через обращение к основным идеям Л.Козера и их интерпретации применительно к функциям языка конфликта в социальных системах.

О концепции Л. Козера написано, казалось бы, очень много, в частности, во всех учебниках конфликтологии анализируются ключевые положения его функциональной теории конфликта. В связи с этим может показаться, что нет смысла вновь обращаться к его теории в XXI веке, и "старый добрый" ресурсный подход остался в веке XX и не будет работать в современных условиях, когда конфликты приобретают все новые и новые формы проявления, связанные с развитием системы коммуникаций, новых информационных технологий и т.д. Однако именно к подходу Л.Козера предлагаю обратиться при анализе проблемы лингвистического конструирования конфликтов. Эта проблема все более актуализируется в современных условиях, когда Интернет, наряду с другими средствами массовой коммуникации, все активнее включается в процессы провоцирования и развития конфликтов (в частности, социальные сети становятся одним из каналов манифестирования конфликтных интересов и организации социальных протестов для их выражения, как это было, например, в Египте в феврале 2011 года). При этом масс-медиа с помощью языка, текста, дискурса порой конструируют представление о несуществующих конфликтах как о реальных, приводя, в соответствии с известной теоремой Томаса, к реальным их последствиям. В связи с необходимостью анализа этого комплекса проблем был разработан лингвоконфликтологический подход, который нацелен на анализ социальных конфликтов через текст, в том числе на анализ особенностей лингвистического конструирования конфликтов – лингвоконфликтологичес-

кий подход (основные принципы лингвоконфликтологического подхода и возможности его реализации представлены, прежде всего, в работах [Даниленко О.А., 2007], [Даниленко О.А., 2008], [Даниленко О.А., 2009]).

Прежде, чем перейти к лингвоконфликтологической интерпретации идей Л.Козера, остановимся на основных характеристиках лингвоконфликтологического подхода и его ключевых понятиях: язык конфликта и лингвистическое конструирование социальных конфликтов, а также на специфике интерпретации самого понятия социальный конфликт.

Лингвоконфликтологический подход представляет собой подход к исследованию социокоммуникативных процессов, который позволяет выявить конфликтный потенциал через анализ текстов, отображающих и конструирующих различные формы социальных конфликтов. Один из основных методологических принципов – рассмотрение конфликтов как системы многоуровневых структурных коммуникаций через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций.

Лингвоконфликтологический подход нацелен на выявление и анализ текстов, которые содержат характеристики языка конфликта. *Язык конфликта* при этом интерпретируется как определенная семиотическая система, обладающая свойством маркировать и передавать определенный уровень конфликтного потенциала в обществе, который может быть оценен по шкале "конфликт–консенсус"; язык конфликта имеет определенные нормы, непосредственно связанные с нормами и ценностями той социальной системы, применительно к которой рассматривается язык конфликта.

Лингвистическое конструирование социальных конфликтов – это такой способ деятельности отношения к социальной реальности, который с помощью лингвистических средств формирует представление о конфликтном характере социокоммуникативных процессов, и, таким образом, влияет на возникновение, развитие и завершение социальных конфликтов.

Одним из специфических концептуальных компонентов лингвоконфликтологического подхода является синтез двух базовых определений конфликта, а именно: 1) ценностно-ресурсного определения конфликта (Л. Козер); 2) коммуникативно-аутопойетического истолкования конфликта как системы коммуникаций (согласно концепции Н. Лумана). Такой синтез позволяет учитывать соотношение реальных ресурсов и лингвистически сконструированных конфликтов как двух взаимосвязанных проявлений конфликтности. В данной статье внимание концентрируется на первом из этих компонентов (ценностно-ресурсном), анализу же второго компонента (коммуникативно-аутопойетического) посвящена отдельная статья [Даниленко О.А., 2009 а], поэтому здесь не планируется останавливаться на его анализе.

Определение социального конфликта, которое дает Л. Козер в работе "Функции социального конфликта" [Козер Л., 2000] является для него "отправным определением" позволяющим проанализировать базовые положения теорий социальных конфликтов, и, прежде всего, теории Г. Зиммеля. Именно на интерпретации основных идей Г. Зиммеля и базируется Л. Козер в своей работе "Функции социальных конфликтов", последовательно развивая 16 основных тезисов Г. Зиммеля. Социальный конфликт определяется Л. Козером как "борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников" [Козер Л., 2000, с. 32]. В целом определение конфликта Л. Козера может быть рассмотрено как обобщающее ресурсное определение (заметим, что именно ресурсный подход продолжает оставаться доминирующим в современной конфликтологической литературе). Однако наряду с ресурсным компонентом в этом определении конфликта Л. Козера представлен и ценностный компонент ("борьба за ценности"), что также является важным с точки зрения анализа проблемы лингвистического конструирования конфликтов, так как порой борьба за ценности как одна из детерминант конфликтного поведения приводит к манипулированию сознанием и к вовлечению в ситуацию конфликта, и в этом процессе особое значение приобретают лингвистические механизмы провоцирования конфликтности через взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций.

Проанализировав основные тезисы Л. Козера и Г. Зиммеля, представленные в работе "Функции социальных конфликтов" предлагаю в рамках данной статьи рассмотреть три проблемных блока, отображающих возможность перехода от анализа функций конфликта к функциям языка конфликта по отношению к различным социальным системам:

1. От роли конфликта в поддержании групповых границ – к роли языка конфликта в поддержании групповых границ.

2. Соотношение реалистических, нереалистических и лингвистически сконструированных конфликтов.

3. Конфликт как фактор солидарности и солидарность как фактор конфликтности: возможности выявления этого соотношения через анализ языка конфликта.

В соответствие с этими проблемными блоками предлагаю рассмотреть возможности развития в лингвоконфликтологической перспективе идей Л. Козера, которые он формулирует в своей работе "Функции социальных конфликтов". Каждый из шестнадцати сформулированных Л. Козером тезисов, предваряется фрагментом из работы Г. Зиммеля, что позволяет лучше осмыслить как методологическую связь идей обоих авторов, так и отличие козеровской интерпретации конфликта от его интерпретации в работах Г. Зиммеля. Проведем дальнейшую интерпретацию цепочки вза-

имосвязанных идей Г. Зиммеля и Л. Козера в лингвоконфликтологической перспективе, приводя козеровские определения ключевых понятий.

1. От роли конфликта в поддержании групповых границ – к роли языка конфликта в поддержании групповых границ.

Рассматривая тезис "группосозидающие функции конфликта" [Козер Л., 2000, с. 52–59], Л. Козер анализирует, прежде всего, роль конфликта в поддержании групповых границ, подчеркивая, что "различие между "нами", "нашей" группой, внутренней группой и другими, чужими, внешней группой возникает в конфликте и через конфликт" [Козер Л., 2000, с. 56]. В этом положении подчеркивается, что конфликт является не только механизмом, но и маркером разграничения границ группы. Развивая это положение в лингвоконфликтологической перспективе, заметим, что как в качестве механизмов, так и маркеров разграничения групповых границ выступают и собственно языковые характеристики конфликта. Это заставляет обратить особое внимание на взаимосвязи между реальным конфликтным действием и семантическими характеристиками конфликта, отображающими конфликтное отношение, но не приводящими к конфликтному действию. И в этом смысле имеют значение и дальнейшие размышления Л. Козера о роли конфликта в поддержании групповых границ, когда он подчеркивает значение зиммелевских идей о том, что враждебность и взаимные антагонизмы поддерживают целостность системы, устанавливая равновесие между составляющими ее частями.

Развивая идеи Г. Зиммеля, Л. Козер акцентирует внимание на том, что внешние группы далеко не всегда становятся объектом враждебных чувств, а наоборот, при определенных условиях они могут выступать в качестве позитивного референта. "С ними можно соперничать, равно как и возмущаться ими. Причем возможности позитивного соперничества могут быть ограничены только особыми условиями" [Козер Л., 2000, с. 55].

Отмечая, что Г. Зиммель практически не видит разницы между чувством враждебности и его выражением в действии, Л. Козер уделяет особое внимание их разграничению, подчеркивая, что "враждебность представляет собой предрасположенность к конфликтному поведению; конфликт же, напротив, всегда транс-акция" [Козер Л., 2000, с. 57], при этом различие между отношением и поведением, по его мнению, подобно различию между предрассудком и дискриминацией в социологическом анализе расовых и этнических взаимоотношений. Л. Козер обосновывает, что ответ на вопрос, воплотится ли чувство враждебности в реальном конфликтном поведении, отчасти зависит от того, считается ли неравное распределение прав легитимным или нет. "Прежде чем возникнет социальный конфликт, прежде чем враждебное отношение станет действием, менее привилегированная группа должна осознать, что она на самом деле чего-то лишена" [Козер Л., 2000, с. 57]. Таким

образом, в концепции Л.Козера прослеживается грань между конфликтом и враждебным, или антагонистическим отношением. Разграничение чувства враждебности и его выражение в действии особенно важно учитывать при разработке лингвоконфликтологической концепции, поскольку это приводит нас к разграничению семантических характеристик как отображения *враждебности и антагонистического отношения* и семантических характеристик конфликта как *предпосылок социального действия*. Хотелось бы обратить внимание на проблему перехода от семантики как средства интерпретации и создания контекста к семантике как к действию, провоцирующему конфликт или способствующим его обострению, то есть являющейся одной из важных составляющих динамической модели конфликта.

Лингвоконфликтологический подход нацелен на выявление характеристик языка конфликта, которые являются показателем потенциальной конфликтности, а также сигнализируют о возможности перехода от семантики к конфликтному действию. При реализации социологического измерения выявляются характеристики языка конфликта, которые связаны с конфликтами *прошлого*, но одновременно эти характеристики могут быть использованы при провоцировании конфликтов в *настоящем и будущем*, и это также учитывается в лингвоконфликтологическом исследовании (см., например, [Даниленко О.А., 2007]). Важное значение при анализе этой проблемы имеет взаимосвязь между конфликтным отношением, о котором сигнализируют характеристики языка конфликта, и конфликтным действием, к которому готовы носители определенных характеристик языка конфликта. Определение границы между ними представляет собой сложную методологическую проблему измерения, и приведенные выше размышления Л.Козера помогают реализовать это разграничение.

При исследовании проблем лингвистического конструирования социальных конфликтов описанные выше положения Л. Козера и Г. Зиммеля находят свое развитие с точки зрения соотношения "конфликт интерпретаций - определение границ группы". Различные интерпретации одних и тех же событий (например, исторических событий), если эти события являются значимыми для интерпретирующих, могут явиться основанием для определения принадлежности к той или иной группе. Эти механизмы используются также в процессе лингвистического конструирования конфликтов: если определенные текстовые конструкции обостряют восприятие границ между группами, это может приводить к проявлению враждебности, но это не всегда будет выливаться в реальный конфликт и реальное конфликтное действие. Это актуализирует необходимость разграничения реальных ресурсных конфликтов и "лингвистически сконструированных конфликтов". И при осуществлении этого разграничения приобретает особое значение не только ресурсное

определение конфликта Л.Козера, но и его положение о том, что "социальный конфликт – это всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только предрасположенность к действию" [Козер Л., 2000, с. 59], и предрасположенность не всегда выливается в конфликт.

2. Соотношение реалистических, нереалистических и лингвистически сконструированных конфликтов.

Рассмотрим тезисы "значение институтов, выполняющих роль защитных клапанов в процессе группосохранения" [Козер Л., 2000, с. 60–70] и "реалистические и нереалистические конфликты" [Козер Л., 2000, с. 71–79]. Хотя у Л.Козера каждый из этих тезисов рассматривается отдельно, они объединены единой логикой, поскольку в первом тезисе рассматривается, в каких вариантах могут быть представлены формы институционализации выхода конфликтной энергии (остроумие, театр, дуэль и др.), а также подчеркивается, что в определенных случаях это дает возможность выходу конфликтной энергии без возникновения новых конфликтов, в другом же возникает особый тип конфликтов – нереалистический конфликт, что связано с тем, что перенесение чувства враждебности на замещающий объект создает новую конфликтную ситуацию уже в отношении этого объекта. Поэтому при рассмотрении проблемы соотношения лингвистически сконструированных конфликтов и нереалистических конфликтов необходимо учитывать оба тезиса, чтобы ответить на два взаимосвязанных вопроса: во-первых, могут ли лингвистически сконструированные конфликты рассматриваться в качестве институтов, выполняющих роль защитных клапанов, во-вторых, как соотносятся реалистические и нереалистические конфликты с лингвистически сконструированными социальными конфликтами.

При рассмотрении институтов, выполняющих роль защитных клапанов в процессе "группосохранения" Л.Козер апеллирует к утверждению Г.Зиммеля о том, что противоборство членов группы друг с другом нельзя оценивать как однозначно негативный фактор, и выражение враждебности в конфликте играет положительную роль, так как предотвращает распад группы, который неизбежен в случае изгнания враждебно настроенных индивидов. Развивая идеи Г. Зиммеля, Л. Козер обосновывает, что "конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает; часто конфликт необходим для ее сохранения" [Козер Л., 2000, с. 70]. Л. Козер подчеркивает, что если нет способов выразить враждебность и недовольство по отношению друг к другу, то члены группы могут пережить полную фрустрацию и перейти к разрыву отношений. "Социальные системы создают специальные институты, служащие отводу враждебных эмоций. Такие институты, выполняющие роль защитных клапанов, помогают сохранить систему, предупреждая конфликт или сводя к минимуму его разрушительные последствия".

Это замещающие объекты, в отношении которых допустимо выражение враждебности. Однако "перенесение чувства враждебности на замещающий объект в отличие от простого символического выражения, создает новую конфликтную ситуацию уже в отношении этого объекта" [Козер Л., 2000, с. 70]. Это означает, по мнению Л.Козера, что возникающие "нереалистические" конфликты являются издержками замещающих механизмов функционирования конфликтов.

Рассмотрим интерпретацию нереалистических конфликтов Л.Козера, чтобы ответить на вопрос, как соотносятся "нереалистические" конфликты с лингвистически сконструированными конфликтами. Ключевая идея Г.Зиммеля, на которой в этом случае базируется Л.Козер, заключается в следующем: "Если конфликт порожден неким объектом притязания, стремлением что-то иметь или чем-то распорядиться, гневом или мстостью... то для него характерно то, что, в принципе, для достижения любой из этих целей имеются и другие средства... Когда же, наоборот, он обусловлен исключительно субъективными эмоциями, когда в дело вступает внутренняя энергия, которую можно удовлетворить только в борьбе, замена его другими средствами невозможна; он есть свой собственный смысл и цель..." [Козер Л., 2000, с. 71]. Вслед за Г. Зиммелем, Л. Козер видит *разделение конфликта как средства и как цели в качестве критерия разграничения "реалистического" и "нереалистического" конфликта*. Л.Козер подчеркивает, что конфликты, возникающие из-за невыполнения специфических требований в рамках отношений и ожидаемых выгод участников и направленные на предполагаемый фрустрирующий объект, могут считаться реалистическими конфликтами в той мере, в какой они являются средствами достижения определенного результата. Нереалистические же конфликты порождены не антагонизмом целей участников, а с необходимостью разрядки хотя бы одного из них.

При разграничении "лингвистически сконструированных конфликтов" и реальных ресурсных конфликтов в рамках лингвоконфликтологического подхода козеровскому и зиммелевскому видению соответствует их разграничение как средства и как цели; однако содержательное наполнение понятия "лингвистически сконструированные конфликты" отличает его от понятия "нереалистические конфликты", поскольку здесь целью является не "необходимость разрядки" и не получение удовлетворения в самом акте агрессии. Цели лингвистически сконструированного конфликта достаточно прагматичны – решение какого-либо вопроса, посредством лингвистического провоцирования несуществующего конфликта, однако при этом вопрос напрямую не связан с конфликтом (например, использование конфликтности в имидже для возрастания рейтинга политика, инициирование определенных изменений в институтах общества, акцентуация внимания на проблеме, нуждающейся в решении и создание определен-

ного контекста восприятия вариантов решения этой проблемы, который заставляет делать автоматический выбор в пользу того или иного варианта). Таким образом, за ситуацией лингвистически сконструированного конфликта всегда кроется реальный конфликт, но он скрыт, неочевиден, завуалирован. Фактически, лингвистически сконструированный конфликт является средством реализации иных конфликтных интересов, находящихся за пределами объекта и предмета лингвистически сконструированного конфликта. Например, предметом реального конфликта может быть борьба за власть, а предметом лингвистически сконструированного конфликта может быть борьба по поводу использования определенного языка (языков) в качестве государственного. Еще один пример: в качестве предмета реального конфликта выступают земельные ресурсы, в качестве предмета лингвистически сконструированного конфликта – дискриминация прав определенных этнических групп. При этом в информационном плане реальный конфликт всегда будет в тени лингвистически сконструированного, хотя фактически будет выступать как некая подсистема по отношению к реальному конфликту, в котором заложены основные детерминанты конфликтных действий участников. Это показывает некоторые пересечения, но не тождественность понятия лингвистически сконструированные конфликты и "нереалистические конфликты". Следует отметить, однако, следующее важное совпадение с козеровским видением нереалистических конфликтов. И лингвистически сконструированный конфликт, и нереалистический конфликт выполняют функции перенесения конфликтной энергии на другой объект, но при этом (в отличие от нереалистического конфликта) лингвистически сконструированный конфликт – это еще и замещение предмета конфликта или вообще подмена конфликта (реального) другим конфликтом (лингвистически сконструированным), образ которого и представления о важности решения которого создаются при помощи текстового воздействия (в частности, через масс-медиа).

При рассмотрении лингвистического конструирования конфликтов целесообразно учитывать также козеровские положения о том, что позитивную функцию выполняют не все конфликты, а лишь относящиеся к целям, ценностям и интересам, не затрагивающим основ, на которых строятся отношения. "Свободно структурированные группы и открытые общества, в целом допуская конфликты, создают защиту против тех их них, которые угрожают базовому консенсусу и тем самым сводят к минимуму" [Козер Л., 2000, с. 105-106]. Кроме того, интегративные функции поиска общего врага, в том числе через поиск "козлов отпущения", рассматривается как реакция на невозможность проявления внутреннего реалистического конфликта. Это может выражаться в виде "преувеличения угрозы, привлечения реального врага и полным измышлением угрожающей силы"

[Козер Л., 2000, с. 136–137]. Эти механизмы поиска общего врага также зачастую используются при лингвистическом конструировании социальных конфликтов, поскольку способствуют привлечению внимания к лингвистически сконструированному конфликту.

Развивая идеи Л. Козера о позитивных и негативных функциях конфликта, можно в перспективе подробнее остановиться на анализе этих функций применительно к лингвистически сконструированным конфликтам, иллюстрируя это на конкретных примерах (какие из них играют позитивную и негативную роль как по отношению к обществу в целом, так и к определенным социальным подсистемам).

3. Конфликт как фактор солидарности и солидарности как фактор конфликтности и возможность выявления этого соотношения через анализ языка конфликта.

На разработку проблему соотношения солидарности и конфликтности Л.Козер выходит при раскрытии нескольких тезисов, прежде всего: "чем теснее отношения, тем напряженней конфликт" [Козер Л., 2000, с. 91–96], "конфликт объединяет противников" [Козер Л., 2000, с. 147–156], "поиск врагов" [Козер Л., 2000, с. 129–138], "конфликт с внешними группами усиливает сплоченность" [Козер Л., 2000, с. 111–120] и др.

К понятию солидарность Л.Козер обращается, прежде всего, при рассмотрении проблем групповой структуры и конфликтов с внешними группами. Л. Козера интересует, прежде всего, как может солидарность влиять на дифференциацию группы и как она определяет возможность возникновения и формы происходящих в дальнейшем конфликтов. При этом Л. Козер опирается на размышления Г. Зиммеля, развивая на их основе тезис "чем теснее отношения, тем напряженнее конфликт": "Память о прежнем согласии действует так сильно, что возникшая вражда оказывается гораздо резче и непримиримее, чем в случае, если бы ранее не было вообще никаких отношений..." "Уважения к врагу" обычно не бывает, когда вражда возникает на основе прежней солидарности" [Козер Л., 2000, с. 91]. Как видим, Л. Козером утраченная солидарность рассматривается как фактор обострения потенциальных конфликтов.

Развивая тезис "функция и проявление конфликта в групповых структурах" Л. Козер основывается на ряде положений, сформулированных Г. Зиммелем, Х. Ортега-и-Гассетом, У. Муром и др. Конфликт рассматривается Л. Козером как источник единства и как атрибут единства. Можно сказать, что предписываемая конфликту значимость в достижении интеграции аналогична роли солидарности в концепции М.М. Ковалевского; и хотя здесь фиксируется противоположность идей Л. Козера и М.М. Ковалевского, эти противоположности выступают как две стороны одной медали. В определенной степени созвучны идеям замирения М.М. Ковалевского следующие рассуждения Л. Козера "...Если раскол затронет базовые

слои общественных верований, на которых зиждется солидарность общественного организма, то государство станет разделенным домом, общество разобьется на два общества, т.е. на две группы с фундаментально разными взглядами" [Козер Л., 2000, с. 98].

В контексте идей Г. Зиммеля и Л. Козера, мы можем рассматривать солидарность как ценность, дающую возможность консолидировать и гармонизировать отношения, но увеличивающую опасность, что она может выступить как ценностная детерминанта возникновения и развития конфликтов в самой острой форме, в особенности, если речь идет о "солидарности в прошлом". Заметим, что это связано и с дальнейшими рассуждениями Л.Козера о "базовом консенсусе, затрагивающем структуру групп": если конфликт переходит границу базового консенсуса - следует раскол. Таким образом, рассуждения Л.Козера отражают вектор "солидарность-дифференциация" (для сравнения, например, ключевые идеи М.М. Ковалевского отражают вектор "солидарность-интеграция", у которого также встречаются различные варианты прочтения солидарности, например "солидарность в мести" (подробней о сравнении идей Л. Козера и М.М. Ковалевского см. [Даниленко О.А., 2001]). Такая многомерная интерпретация понятий помогает учитывать различные варианты взаимного перехода состояний интеграции-дифференциации, дружбы-враждебности, симпатии-антипатии и др.

Выбор именно козеровской концепции в качестве одной из базовых при анализе проблем лингвистического конструирования конфликтов связан с ориентацией Л.Козера на функции социальных конфликтов (в том числе позитивных функций конфликта), с рассмотрением в рамках его концепции тех последствий социальных конфликтов, "которые служат усилению, а не ослаблению адаптации и приспособляемости конкретных социальных отношений или групп". Интерпретируя идеи Л. Козера на примере проанализированных тезисов можно заметить, что от функций социальных конфликтов можно перейти к функциям характеристик языка конфликтов. При этом типы характеристик языка конфликта могут быть выстроены в определенную типологию в соответствие с их функциями по отношению к социальной системе в целом и к различным ее подсистемам (или к конфликтам как системам и подсистемам, причем лингвистически сконструированные конфликты могут рассматриваться как одна из подсистем по отношению к реальным конфликтам).

Целесообразно в перспективе разработать своего рода "матрицу" функций языка конфликта, базирующуюся на функциях конфликта Л. Козера, чтобы применять ее, например, при анализе текстов интервью и содержащихся в них характеристик языка конфликтов (в особенности при анализе текстов, полученных в ходе проведения лингвоконфликтологических интервью для выстраивания различных семантических полей типов характеристик

языка конфликта в соответствие с их функциями). При этом каждую из функций можно связать, с одной стороны, с реальными конфликтами, с другой – с лингвистически сконструированными конфликтами как подсистемами по отношению к реальным социальным конфликтам.

Следует также заметить, что в ходе анализа работы Л. Козера "Функции социальных конфликтов" высвечиваются особенности "продолжающихся интерпретаций", которые могут рассматриваться как "продолжающийся диалог". Когда Л. Козер писал работу "Функции социальных конфликтов", он интерпретировал основные идеи Г. Зиммеля, развивая их, когда мы интерпретируем идеи Л. Козера применительно к анализу проблем лингвистического конструирования социальных конфликтов, мы продолжаем этот ряд интерпретаций. Идея протянута в историко-социологическом материале диалогов могла бы стать темой отдельного исследования, поэтому в данной статье мы затронули это лишь косвенно, невольно демонстрируя, как выстраиваются це-

почки диалогов на примере соотношения понятий конфликт-солидарность и др.

Анцупов А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях : учебное пособие / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 304 с.

Бабосов Е. М. Конфликтология : учеб. пособие для студ. ВУЗов / Е. М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 464 с.

Даниленко О. А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе : от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей / О. А. Даниленко. – Вильнюс : Изд-во ЕГУ, 2007. – 402 с.

Даниленко О. А. Лингвистическое конструирование социальных конфликтов в условиях Пограничья / О. А. Даниленко // Перекрестки : журнал исследований Восточноевропейского Пограничья. – 2008. – № 2-4. – С. 35–47.

Даниленко О. А. Лингвоконфликтологические эксперименты гарфинкелевского рода в социологии / О. А. Даниленко // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Х., 2009. – Вип. 15. – С. 183–186.

Даниленко О. А. Идеи Никласа Лумана в контексте проблем современной конфликтологии / О. А. Даниленко // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 844. – С. 32–39.

Даниленко О.А. Идея "замиренных сфер" М.М. Ковалевского и аналитика конфликта / О. А. Даниленко // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. – Х., 2001. – С. 18–24.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 308 с.

Степанов Е. И. Современная конфликтология. Общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов : учеб. пособие / Е. И. Степанов. – М. : ИС РАН, 2008. – 176 с.

Козер Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 205 с.

Надійшла до редколегії 13.05.11

УДК 316.33

Ю. Савельєв, канд. філос. наук, доц., докторант
Київський національний університет імені Тараса Шевченка

СУПЕРЕЧНОСТІ КОНЦЕПЦІЇ СОЦІАЛЬНОГО ВИКЛЮЧЕННЯ І ВКЛЮЧЕННЯ: ВПЛИВ СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ НА СОЦІОЛОГІЧНІ ТЕОРІЇ

У статті аналізується концепція соціального виключення (ексклюзії) і соціального включення (інклюдії) і визначаються її протиріччя. На основі робіт Х.Сілвер, Р.Левітас, А. Сена та інших обґрунтовується існування окремої лінії розвитку цієї концепції у європейському соціально-політичному дискурсі, яка сформувалась під впливом комунітарно-республіканської, ліберально-інтеграційної і соціалістично-редистрибутивної ідеологій. Доводиться, що спільним для цих течій є розуміння сутності соціальної ексклюзії як відносної і багатомірної депривації, а соціального включення як подолання депривації і поновлення соціальних зв'язків. Таке розуміння суперечить поширеній у сучасній соціології тезі про те, що горизонтальні розмежування відіграють більшу важливу роль ніж ієрархічні нерівності у суспільстві доби постмодерну. Виділяються існуючі підходи до соціального включення і вказується на їхні евристичні можливості і обмеження.

Ключові слова: соціальне включення, інклюдія, соціальне виключення, ексклюзія, суспільство модерну, відносна депривація, депривація спроможностей

В статті аналізується концепція соціального виключення(ексклюзії) і соціального включення (інклюдії) і определяются ее противоречия. На основании работ Х.Силвер, Р.Левитас, А.Сена и других обосновывается существование отдельной линии развития этой концепции в европейском социально-политическом дискурсе, который сформировался под влиянием комунитарно-республиканской либерально-интеграционной и социалистически-редистрибутивной идеологий. Доказывается, что общим для этих течений есть понимание сущности социальной эксклюзии как относительной и многомерной депривации, а социального включения как преодоления депривации и обновления социальных связей. Такое понимание противоречит распространенному в современной социологии тезису о том, что горизонтальные разграничения играют более важную роль чем иерархические неравенства в обществе эпохи модерна. Выделены существующие подходы к социальному включению и указано на их эвристические возможности и ограничения.

Ключевые слова: социальное включение, инклюдия, социальное исключение, эксклюзия, общество модерна, относительная депривация, депривация возможностей.

The article analyzes the concepts of social exclusion and social inclusion and identifies their contradictions. On the basis of publications of H.Silver, R.Levitas, A.Sen and others it is argued that a separate line of elaboration of these concepts has developed within European social policy discourse which was influenced by the following ideologies: communitarian-republican, liberal-integrationist, social-redistributionist. It is asserted that all these ideologies share the understanding of social exclusion as relative, relational, and multidimensional deprivation, while social inclusion is regarded as a compensation of deprivation and repair of social bonds. Such understanding is not compatible with a widespread notion in contemporary sociology that in post-modern societies the importance of hierarchical inequalities has been replaced with horizontal differentiation. Existing approaches to social inclusion are featured, and their heuristic advantages and limitations are demonstrated.

Keywords: social inclusion, social exclusion, modern society, relative deprivation, relational capability deprivation

Постановка проблеми

Зміни у суспільному житті викликають появу нових соціологічних інтерпретацій, теорій і конструктів. Унаслідок поглиблення нерівності усередині розвинутих країн за останні 30 років [Esping-Andersen, 2007; Weeden et al., 2007], а також кон-

цептуальної трансформації розуміння бідності у сучасній соціальній теорії, коли замість вертикальної стратифікації у центрі уваги опиняється горизонтальна диференціація з поділом на "інсайдерів" та "аутсайдерів" [Абрахамсон, 2001: с. 158], у соціологічних публікаціях почали активно вико-